

ЗАМЕТКИ ПУШКИНА <«ОПРОВЕРЖЕНИЕ НА КРИТИКИ»>

Заметки <«Опровержение на критики»> написаны Пушкиным в Болдинскую осень — время, уникальное по силе творческого потенциала, по количественным масштабам, необыкновенному родовому, видовому и жанровому разнообразию. Названные заметки с точки зрения поэтики и жанровых особенностей — явление также необычное.

Н. Е. Мясоедова считает, что в ходе работы замысел Пушкина «Опровержение на критики» распался на три самостоятельные части: литературную биографию, родословную, «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений»¹. Я. Л. Левкович, анализируя неосуществленный замысел Записок в 30-е гг., доказывает, что в них эти три части должны были слиться². С. А. Фомичев, в отличие от выше названных исследовательниц, называет «Опровержение на критики» «законченным произведением», в котором Пушкин «комментирует критические оценки произведений, появившиеся на протяжении шестнадцатилетней его литературной деятельности, приоткрывая двери творческой лаборатории, трезво сравнивая намерения с результатами, так часто не удовлетворявшими его в полной мере»³. На наш взгляд, нельзя разъять неделимую структуру заметок Пушкина «Опровержение на критики», равно как свести их смысл лишь к комментариям критических оценок его произведений. Чтобы выявить их глубинный смысл, необходимо обратиться к особенностям поэтики заметок и их жанровой природе.

В «Опровержение на критики» вошли заметки самого разного характера: от исправляющих грамматические ошибки в произведениях прошлых лет и полемических выпадов против Булгарина до краткой родословной и биографии. Заметкам свойственны максимальная раскованность, свобода, непосредственность чувства. Они явно писаны не для широкой публики. Может быть, не случайно Пушкин будет готовить к печати под заголовком «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» лишь ту их часть, которая была посвящена полемике.

¹ Мясоедова Н. Е. Болдинские полемические заметки 1830 года и пушкинский замысел автобиографии // Болдинские чтения. — Горький, 1984. — С. 132.

² Левкович Я. Л. Неосуществленный замысел // Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. — Л., 1988. — С. 211—222.

³ Фомичев С. А. «Несколько раз принимался я за ежедневные записки...» // А. Пушкин. Дневники. Автобиографическая проза. — М., 1989. — С. 20.

По композиционной открытости, по искусству в небольшой заметке схватить сущность явления или основное в характере писателя-современника, дать оценку либо книге, либо какой-то черте человеческого характера и т. д. заметки «Опровержение на критики» могут напомнить «Отрывки из писем, мысли и замечания», датируемые 1827-м годом и почти полностью опубликованные Дельвигом в «Северных цветах» 1828 года, а также «Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям», датируемые тем же 1827 годом и при жизни Пушкина не печатавшиеся. И в заметках 1827 года, и в заметках 1830 года есть живое движение мысли, краткость выражения, блеск афоризма. Но если заметки 1827 года не определены темой и предполагают неограниченную свободу, то заметки 1830 года как будто ограничены кругом полемики и «нелитературных обвинений». В заметках 1827 года личность Пушкина проявлялась в оценке чужого литературного или исторического труда, в мудрости афоризма, в отношении к поэтам прошлого века и своим современникам, хотя сам автор в меньшей степени старался сказать о себе. В заметках же 1830-го года личность Пушкина является тем центром, который их организует.

Пушкин так определил причину появления заметок «Опровержение на критики»: «Нынче в несносные часы карантинного заключения не имея с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать опровержение на все критики, которые мог только припомнить, и собственные замечания на собственные же сочинения. Смею уверить моего читателя (если господь пошлет мне читателя), что глупее сего занятия отроду ничего не мог я выдумать»⁴ (XI, с. 144). Последняя фраза должна особенно подчеркнуть авторскую незаинтересованность, как будто бы безразличное отношение к заметкам. Но та тщательность, с которой Пушкин вспоминает оценку современниками своих ранних поэм, та точность, с которой называет последовательность их появления на свет, то педантичное перечисление грамматических ошибок, вызвавших критические замечания, и др. приметы показывают обратное: Пушкин дорожит ими, очень внимательно вглядываясь в себя, заново уясняя прошедшее. Вся предыдущая жизнь для него уже история, и он, как ее участник, — один из главных объектов исследования. Вот почему в «Опровержении на критики» проблема художника станет центральной и композиционно организующей и на первый план здесь выступят заметки-авторрецензии, которые включают в себя вопросы творчества, филологические штудии, литературную полемику.

Ряд заметок относится к ранним поэмам Пушкина, к его счастливому творческому началу. И это определяет их эмоциональный тон: в них нет ни единой диссонирующей ноты. Определяет и форму: они кратки, потому что автору не нужны подробные объяснения с читателем. Пушкин обращается в прошлое, и в каждой

⁴ О связи «Опыта...» с «Опровержением на критики», о его жанровой природе см.: Алешкевич А. А. К истории замысла болдинских полемических заметок 1830 г. // Болдинские чтения. — Горький. 1987.

авторрецензии сталкиваются ретроспективная оценка современников и зрелый взгляд художника. Например: «Руслана и Людмилу» вообще приняли благосклонно... Никто не заметил даже, что она холодна. Обвиняли ее в безнравственности... и за пародию «Двенадцати спящих дев»; за последнее можно было меня пожуричь порядком, как за недостаток эстетического чувства. Непростительно было (особенно в мои лета) пародировать, в угождение черни, девственное, поэтическое создание» (с. 144—145). Последняя фраза — признание тридцатилетнего человека. Его поэтическая и духовная зрелость рождает свободу и логику мысли, строгость и афористичность ее выражения. Как афоризм звучит следующее признание: «Кавказский пленник» — первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил...» (с. 145). Или размышление об изображении героя «Бахчисарайского фонтана»: «Молодые писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей. Их герои всегда содрогаются, хохочут дико... Все это смешно, как мелодрама» (с. 145). В афоризме Пушкина заключаются сгущенный смысл, сильное личностное начало (он согрет чувствами человека и художника), а также универсальность закона, который выявляет общие черты творчества. Присутствие афоризма в авторрецензии делает смысл ее шире настоящего жанра.

Как в авторецензиях мысль Пушкина движется от конкретных примеров к обобщению, так и в автокомментариях грамматических форм и ошибок, замеченных современниками. После ряда примеров рождается часто теперь цитируемое пушкинское высказывание: «Разговорный язык простого народа /не читающего иностр<анных> книг и, слава богу, не выражаю<щего>, как мы, своих мыслей на фр.<анцузском> языке/ достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал италийский язык на флорентинском базаре: не худо нам иногда прислушаться к московским просвирям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком» (с. 148—149).

Или не менее известный пушкинский афоризм: «Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка» (с. 147) является также результатом обобщения частных примеров. Таким образом, как и в авторецензиях, в автокомментариях грамматических форм и ошибок наличие афоризмов помогает разомкнуть границы жанра, что, впрочем, характерно для большинства заметок, входящих в «Опровержение на критики».

Исследуя стиль пушкинской статьи, А. Лежнев выделял такие ее особенности: «отдельные афоризмы, разбросанные в одиночку или группами по всему ее протяжению, но так, что они находятся в самых узловых и решающих местах, образуя как бы сгущения смысла; их соединяет сквозная мысль. Мускулатура статьи не обнажена, а скрыта. Но ход мысли очень отчетлив»⁵. Это наблюде-

⁵ Лежнев А. Проза Пушкина // Опыт стилистического исследования. — М., 1966. — С. 226.

ние справедливо и в отношении к заметкам «Опровержение на критики», рассматриваемым нами как единое целое. В нем выявлена еще одна важная роль афоризма (употребление «в самых узловых и решающих местах»), для настоящих заметок также значительная.

В автокомментариях грамматических форм и ошибок можно заметить пушкинское постоянство, с которым он их помнит. Так, подавляющее большинство их было прокомментировано еще в заметке «Возражение на статью «Атеня», датируемой 1828-м годом, где можно найти и прообраз приведенного выше пушкинского высказывания о языке: «Читайте простонародные сказки, молодые писатели — чтобы видеть свойства русского языка» (с. 72).

Подобные особенности пушкинской памяти проявляются в некоторых других примерах. В «Опровержении на критики» читаем: «Сам съешь. Сим выражением в энергическом наречии нашего народа заменяется более учтливое, но столь же затейливое выражение: обратите это на себя. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно шутками и колкостями своих же противников» (с. 151).

Приведенное рассуждение рождается из письма Пушкина Вяземскому, написанного осенью 1825 г. Вспомнилось же это через 5 лет. Сравним с письмом: «Сам съешь! — Заметил ли ты, что все наши журнальные антикритики основаны на сам съешь? Булгарин говорит Федорову: ты лжешь, Федоров говорит Булгарину: сам ты лжешь. Пинский говорит Полевому: ты невежда, Полевой возражает Пинскому: ты сам невежда...»⁶.

Очень похожее происходит с заметками о проблеме нравственности в литературе, а также с заметками, в которых повторяются любимые пушкинские мысли об отношении к отечественной истории, к исторической памяти, своим предкам.

Данные наблюдения еще раз подтверждают, что заметки «Опровержение на критики» охватывают круг вопросов, мыслей, проблем, важных и дорогих для Пушкина. Случайных тем здесь нет. Потому что к ним Пушкин обращается неоднократно. Особенно близки они ему в пору Болдинской осени.

Тем серьезнее и значительнее в заметках «Опровержение на критики» должно прозвучать признание Пушкина о начинающемся разладе с современниками: «Первые неприязненные статьи, помнитса, стали появляться по напечатанию четвертой и пятой песни «Евг. <ения> Онегина» (с. 145). Ответы незримым оппонентам «Онегина», сдержанные по тону и исчерпывающие по содержанию, целиком посвящены филологическим вопросам (комментируются грамматические формы и тропы, употребленные в некоторых главах «Онегина»).

Однако следом за беспристрастными филологическими штудиями следуют полемические выпады, адресованные Булгарину и

⁶ Письмо Пушкина Вяземскому от 13 и 15 сентября 1825 года. // Переписка А. С. Пушкина: В 2 томах. — М., 1982. — Т. I. — С. 228.

«Северной пчеле». Происходит яркий эмоциональный сдвиг. Это особенно явно в заметке, начинающейся словами: «Отчего издателя «Лит<ературной> газеты» и его сотрудников называют аристократами (разумеется, в ироническом смысле, пишут остроумно журналисты)?» (с. 152).

Заметка напоминает резкую и бурную речь в защиту себя и своих единомышленников и построена как цепь быстро сменяющих друг друга вопросов и ответов. Внутреннее негодование против литературных противников выражает анафора «не они» (употреблена 7 раз): «Не они гнушаются просторечием и заменяют его простомыслием... Не они поминутно находят одно выражение бурлацким, другое мужицким... Не они толкуют вечно о будучих читательницах...» и т. д. (с. 152).

Композиционно и по смыслу анализируемая заметка открыта: не случайно к ней примыкает пушкинский ответ на болгаринский пасквиль. В ответе Булгарину мысль Пушкина высока и мудра. С удивительным самообладанием и достоинством Пушкин находит самый точный ответ в обращении к исторической памяти, к «самостоянию»: «Прадед мой, если был куплен, то, вероятно дешево, но достался он шкиперу, коего имя всякой русский произносит с уважением и не всуе. Простительно выходящу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев» (с. 153). Человеческое достоинство охраняет высокий стиль выражения пушкинской мысли, обращение к старым грамматическим формам, употребление высокой лексики.

Тема «Художник и современники» начинает расширяться и углубляться. Пушкин как будто уточняет историю своих отношений с современниками, снова прослеживая их этапы. Сначала вспоминает отклики на «Цыган» («замечание одной дамы» и совет Рылеева «сделать из Алека хоть кузнеца»), с завидным самообладанием иронично объясняя: «Всего бы лучше сделать из него чиновника 8 класса или помещика, а не цыгана. В таком случае, правда, не было бы всей поэмы...» (с. 153). Затем кратко упоминает о будущей судьбе «Бориса Годунова»: «Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха» (с. 154). И горько и честно признается себе: «Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имею главной привлекательности: молодости и новизны лит<ературного> имени» (с. 154). Такое очевидное одиночество среди современников и в литературном мире могло быть преодолено лишь силой пушкинского духа, ищущего путь к гармонии, пониманию, примирению.

Потребность в диалоге с современным читателем находит выражение в тщательном объяснении своего творчества, что хорошо передают заметки «Опровержение на критики». Например, в объяснении «Полтавы». Если о юношеских поэмах можно было ска-

зять в кратких авторецензиях, то в момент появления «Полтавы» потребовалась объясняющая критическая статья.

Заметка о «Полтаве» включает филологические штудии зрелого художника, объясняющего как мир поэмы, так и законы своего творчества. Личность художника выражается здесь значительно и ярко в сравнении с Байроном и Рылеевым, в отношении к литературным героям, к истории, в общей эмоциональной насыщенности.

Напечатанная впоследствии в «Деннице», эта заметка мало изменилась, сохранив свое главное назначение — общение с современником.

В объяснении с современными читателями и литературными противниками Пушкин, как правило, предельно эмоционален. Так, заметки, связанные с проблемой нравственности в литературе, обнаруживают и саркастическую усмешку, и яростную иронию автора. «Все эти господа, — смеется Пушкин, — столь щекотливые насчет благопристойности, напоминают Тартюфа, стыдливо накидывающего платок на открытую грудь Дорины...» (с. 156). И совсем рядом в другой заметке эта же тема варьируется уже в иной манере. Почти с научной строгостью и основательностью, напоминая цензорский устав, записано такое пояснение: «Безнравственное сочинение есть то, коего целию или действием бывает потрясение правил, на коих основано счастье общественное или человеческое достоинство» и т. д. (с. 157). Заметки о нравственности в литературе композиционно открыты. Написанные в разном эмоциональном ключе, не похожие стилистически, они взаимно дополняют и углубляют друг друга.

Постепенно в заметках «Опровержение на критики» выявляется самое значительное для Пушкина в Болдинскую осень: разлад с современным читателем, полемика с Булгариным и литературными противниками. Здесь же найдены путь к современникам и позиция в отношении к Булгарину и литературным противникам. Так происходит с объяснением о «Полтаве», которое из черновых заметок уходит в печать. Так происходит с полемическими заметками против Булгарина, к которому Пушкин обращается со словами: «В одной заметке официально сказано было...» (с. 160).

Если в пушкинском ответе на болгаринский пасквиль упоминался лишь прадед, то теперь мысль Пушкина углубляется и расширяется. Первая часть заметки становится похожей по форме на ученое сочинение, в котором основательно показана история пушкинского рода, роль его в историческом прошлом России.

Самая дорогая Пушкину мысль — о своей личной причастности к старинному русскому дворянству — и, следовательно, русской истории. Она жива и постоянна в памяти, входит в заметки и наброски разных лет (в «Наброски предисловия к «Борису Годуну» 1830, в рецензию «История русского народа», сочинение Николая Полевого», датируемую январем — февралем 1830 года, в «Отрывки из писем, мысли и замечания», датируемые 1827 годом и т. д.). Именно с этой мыслью связан целый ряд афористических

высказываний Пушкина: «Каков бы ни был образ моих мыслей, никогда не разделял я с кем бы ни было демократической ненависти к дворянству. Оно всегда казалось мне необходимым и естественным сословием великого образованного народа» (с. 161). Или более значительный по объему отрывок: «Образованный француз или англичанин дорожит строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его предка, честного рыцаря, павшего в такой-то битве, или в таком-то году возвратившегося из Палестины, но калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества» (с. 162).

В осознании своей причастности к русской истории для Пушкина — главный путь, помогающий преодолеть душевный разлад с самим собой, восстановить связь с веком, заглянуть в будущее.

Но есть еще и другое: осознание себя — как художника, несущего свое особое бремя современности: «...дружина ученых и писателей... всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности» (с. 163).

В заметках «Опровержение на критики» личность Пушкина живет в разных впечатлениях бытия, проходит разные этапы жизни: счастливую молодость, мучительное взросление, зрелость. В движении от счастливой молодости через разлад с самим собой, с современностью к качественно новой гармонии — таков основной пафос заметок. В них и определено направление движения: в обращении к исторической памяти, к творчеству, науке, в долге нести их достижения современникам.

Нетрудно заметить, что при таком прочтении заметки «Опровержение на критики» воспринимаются как единый нерасчленимый замысел, в котором прослеживается сюжет и который условно можно было бы назвать историей художника. В жанровой природе отдельных заметок, в их композиционной открытости и связанности подтвердился смысл всего замысла: в движении к единому целому, к синтезу. Не об этом ли писал глубокий исследователь пушкинской лирики В. А. Грехнев: «...Пушкин болдинской поры весь в поисках такого духовного средоточия и такого художественного синтеза, в котором бы сходились исследуемые поэтом жизнеописания, не погашая, но взаимовысвечивая друг друга»⁷.

⁷ Грехнев В. А. Лирика Пушкина. // О поэтике жанров. — Горький, 1985. — С. 25.

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Межвузовский сборник научных трудов

**ПОСВЯЩАЕТСЯ
СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА
ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА МАЙМИНА**

Псков 1991